

КНИГА С ИСТОРИЕЙ

ЧУДЕСА НА СВЯТКАХ

СТИХИ И РАССКАЗЫ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Книга с историей

Сборник
Чудеса на Святках

«Издательский Дом Мещерякова»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Сборник

Чудеса на Святках / Сборник — «Издательский Дом
Мещерякова», — (Книга с историей)

ISBN 978-5-907960-35-0

Время Рождества и Святки - время чудес. Эта книга говорит о чуде языком Серебряного века. И вот в окно деревенской школы заглядывает мохнатый, как ёлка, леший. По зимним облакам ступают копытца ослика Рождественской дамы. Обычная лохматая дворняжка спасает новорождённого малыша от мрака и холода зимней ночи, а крошечный щенок разгоняет клубящуюся вокруг взрослого сильного человека жуть. В морозных сумерках можно запросто забрести в Вифлеем, а круг царя Соломона открывает всю правду тому, кто умеет спросить, - на то и Святки. В стихах поэтов этого времени шумят метели, несутся лёгкие сани, ангелы и волшебники приходят к детям, а волхвы и пастухи под светом рождественской звезды спешат к пещере, где этой ночью родился Спаситель. Этот сборник словно старинная ёлочная игрушка: в нём мерцает тайна другой эпохи - и свет этот добрый и тёплый. Достаточно чуть-чуть к нему присмотреться, и он укажет путь в настоящую рождественскую сказку. В книге мы собрали посвящённые Рождеству и Святкам произведения А. Блока, С. Есенина, Г. Иванова, Л. Андреева, В. Брюсова, А. Аверченко, И. Шмелёва, В. Ходасевича, М. Цветаевой, А. Грина, В. Никифорова-Волгина, В. Иванова, В. Немировича-Данченко, Саши Чёрного, Дон-Аминадо и Тэффи. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

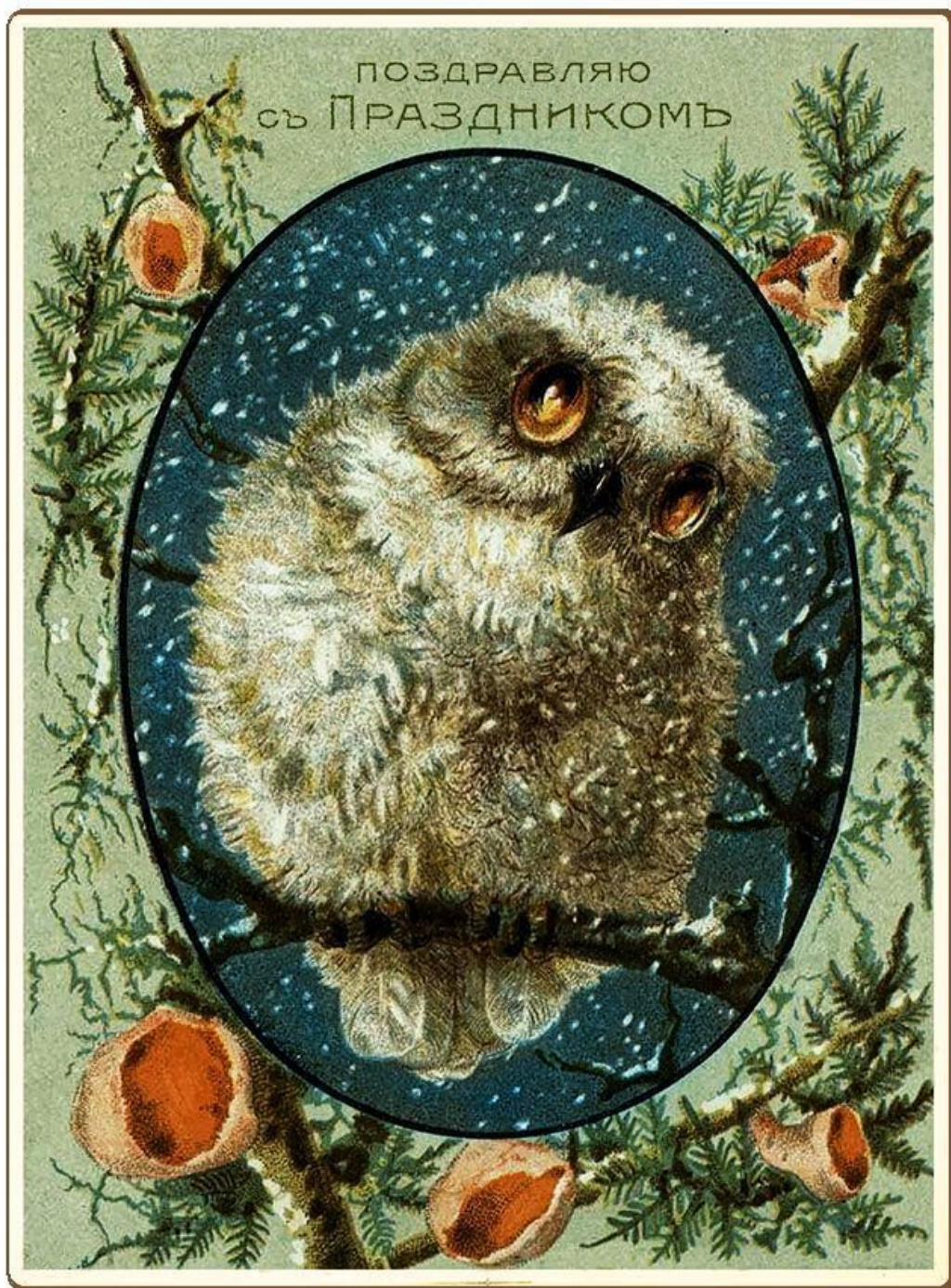
ISBN 978-5-907960-35-0

© Сборник
© Издательский Дом Мещерякова

Содержание

Саша Чёрный	7
Дмитрий Мережковский	13
Валерий Брюсов	18
Александр Блок	22
Иван Шмелёв	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Чудеса на Святках

– Ты слышишь, как пахнет Рождеством?
– Пока нет, но скоро услышу!
Василий Никифоров-Волгин

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2026

Саша Чёрный Леший на ёлке

В лесной чаще дымился снежок. Сверху падала мелкая крупа, снизу над сугробами курилась снежная муть, ветер всё перемешал, смесил – весь лес затянул мглистой белой пылью.

На голой верхушке дуба шуршали ржавые листья. Тростник у замёрзшего ручья качался, скрипел, переливался снежным бисером – инеем. Засинели ранние сумерки.

Под широкой, с лапами до земли, ёлкой сидел старый леший, сосал ледяную сосульку, поглядывал сквозь мохнатый снежный шатёр ветвей и зевал.

Заяц, проваливаясь по уши в сугробы, тяжело проскакал, взбрасывая куцый хвостик, к больничной ограде, – туда стряпуха вместе с золой капустные кочерыжки выбрасывала. Лисица, раскинув пышную рыжую метёлку, шаг за шагом, отряхая мягкие лапки (холодно!), осторожно прокралась к опушке, авось глупая галка на дороге зазеваётся. Белка шишку в лапках повертела с одного конца, потом с другого и уронила, лешего по колену щёлкнула. Ишь, чёрт вертлявый! Ворона над головой закопошилась, снег крылом задела, полетела вниз холодная вата, прямо лешему на нос.

Нигде покоя не найдёшь. Бросил леший огрызком сосульки в ворону, спиной о шершавый ствол потёрся... Блохи одолели. В шубу набились, жгут мелким огнём, ничем их не выкуришь.

Потянулся старый, в локтях кости хрустнули. Вылез на просёлочную дорогу и застыл.

Идти к леснику на полянку в стожок спать? Или рябины пожевать? Вон за елью алые кисточки висят, морозомхватило, – чудесная закуска!

Приложил мохнатую руку к косматым бровям, посмотрел вдаль и свистнул.

Что за штука? Почему у школы суета такая? Праздник ведь, занятий нету. С утра ещё поволокли туда ёлку, школьники сегодня весь день в лесу мелькали, кто пеший, кто в дровнях с отцом... Чего они там галдят, как галки на колокольне? Вокруг школы расселись, смеются...

Зоркий глаз у лешего, чуткое ухо – и сквозь снежную мглу всё увидит, услышит. Ветер притих. Снег улёгся. Сквозь еловые метлы над головой звёздными кусками засквозило тёмно-синее небо.

О-го-го! Ишь, как горланят... От ствола к стволу леший подкрался ближе: притаился.

С крыльца и с лужайки перед школой всех людей точно в воронку в школьную дверь гуськом втянуло. Скрипит блок, кирпич на верёвке о дверь хлопает. Во всех четырёх окнах забежали, замелькали огоньки и вспыхнуло, переливаясь светлым колоколом, знакомое лесное дерево. Ёлка! Писк-то какой... В чём дело? По какому случаю?

* * *

Все в школе. Мохнатые лошадёнки, привязанные у ракут к низкому плетню, жуют сено, головами встряхивают. В дровнях солома и серое тряпьё-дерюга торчком...

Кто скрипит-переваливается? Не медведь ли? Ух, косматый какой, ростом с верстовой столб... Затопотали лошадёнки на месте, зады поджимают, глазами косятся. Брякнули колокольчики.

Леший испугался:

– Тише вы, тпру! Лешего не признали, лесного хозяина? Но-но! Не трону. Ёлку мне посмотреть интересно. Как бы на бубенцы ваши мужики не выбежали... Тпру! Кому говорю?

Притихли лошадки. Фыркают, ушами прядут, друг дружку мордами подталкивают. Хрустит сено. Месяц голубые хвосты вдоль улицы стелет. Тишина.

Леший припал к стеклу. Ничего, если кто на крыльцо и выбежит воздуха морозного глотнуть, никто его, лешего, не распознает, – старый дед в овчине, может, мельник, а может, и лесник, – пусть смотрит...

А в школе чудеса в решетке. Ёлка выше печки, золотые нитки светлой паутиной висят, золочёные орехи и зайчики ярче осенних листьев, разноцветные свечки, словно светляки мигают-переливаются. И на самом верху ёлки – как это они её с неба достали? – сияет золотая звезда с серебряными лучами. А под ёлкой, под ёлкой что делается! Школьники за пазухи пряники прячут, в зелёные лапы ныряют – друг дружку ловят, дуют в пёстрые дудки, – пастух на заре, конечно, складнее играет, да ничего – было бы весело... В дверях и вдоль стен мужики жмутся, ухмыляются в льняные бороды. Кое-кто тоже пряничком улыбку закусывает, – от сына перепало.

Подал учитель знак, в ладоши захопал. Взялись школьники за руки, и мальчишки и девчонки, закружились вокруг ёлки хороводом и запели все враз весело и звонко:

Коляда! Коляда!
Посконная борода!
Отпирай ворота,
Выноси пирога!
Отворяй окошки,
Подавай лепёшки...

А в школе чудеса в решете,
Ёлка выше печки золотые нитки светлой паутиной висят...

Учитель тоже, даром что длинный да острый, – как складная лестница, – в хоровод вклялся, как телёночек подтягивает, коленками перебирает. Ай да Созонт Тимофеевич!

Потом – пляс. Скрипочку учитель вынес, пыль клетчатым носовым платочком обмахнул, к плечу приложил и пошёл... Соловей не соловей, козёл не козёл, а ничего веселее леший в жизни не слыхивал.

Васенька, школьного сторожа сын, да Таня, псаломщика дочка, в круг вышли (мальчишки их выпихнули), друг на друга соколами взглянули, топнули и давай откалывать. У Тани над головой рука с платочком, головёнка набок, словно и смотреть ей на Васеньку не хочется, летает вдоль круга, стрекозой носится, а мальчишка за ней. Ух ты! Корова его забодай... Такой клоп, от пола не видать, а смотри что разделяет... Мужички у дверей смотрят, любят, валялками, как косолапые медведи, перебирают.

И у лешего коленки сами собой зашевелились. Да стыдно стало. Знакомый лесниковый пёс Мухомор рядом с ним, на задние лапы встав, тоже в окошко заглядывал. Неловко при нём степенному лешему приплясывать.

А звезда на ёлке, больше всего она лешему понравилась, дрожит – пол-то ведь трясётся, – дрожит-искрится... Глаз с неё леший не сводит.

Сидит леший на голой раките в школьном саду, ждёт-прислушивается. Гудит крыльцо, на морозе детские голоса и мужицкое кряканье далеко разносятся. Потянулись мимо плетня в обратный путь дровни, пузатые лошадки застоялись – бегут, и кнута не надо. Колокольчик один за другим в лесную чашу нырнул и сгинул. Разошлись и пешие из ближних деревень, да кто был здешний. Слез осторожно леший. Никто его не приметил, – разберёшь разве в морозной мгле, шалаш ли в саду стоит, либо леший на раките сидит...

Слез и прокрался от бани к колодцу, от колодца к школе. Темно в окнах. Лунный свет на полу оконный переплёт отпечатал.

Сторож Михай спать ушёл, ослабел. Мужички ему в сенях поднесли, а какой же сторож от винца отказывается? И учитель, поскрипывая калошами, прошёл к себе наискось через белый выгон. Вон за больницей, в угловой избе керосиновый язычок вспыхнул...

Потянул леший носом: человеческим теплом пахнет... Посмотрел вверх, – форточка в окне настежь распахнута, забыл сторож прикрыть. Маленькие зелёные глазки под косматыми бровями загорелись, как зрачки у кошки, когда она с порога увидит, что дверь в чулан забыли прикрыть.

Щёлкнул леший языком, горсть снега для освежения в пасть забил и начал вытягиваться... На то он и леший: мог в высоту расти хоть до сосновой верхушки, мог и до лопуха снизиться. Вытянулся леший, тонкий-тонкий стал, как камышинка. Закачался, склонился и сквозь форточку пролез, словно цепкий хмель вдоль шеста.

В комнате опять сократился до своей обычной лесной порции. Глаза зорки, лунный свет по полу и по стенам играет, – осмотрелся леший. Тесно ему, – никогда в комнате не бывал. На стене карта: «Россия». Посмотрел, понюхал, не понял. Он и не знал, – где ж ему знать? – что он сам в России живёт, в самом сердце её – в Орловской губернии, в Болховском уезде. А рядом с картой знакомое: таблица грибов. Ловко! Вон грузди, а вон сыроежки с оборочкой, а над ними тугой рыжик... Корявым пальцем потрогал. Что за штука! Все плоские... Как это так устроено? За таблицу посмотрел – ничего нет, гладкая стена. Крякнул и отошёл. В школьный шкаф сквозь стекло заглянул: на полках чучела синички, иволги, лазоревой сойки... Все знакомые! Пощёлкал им леший пальцами, – не отзываются. Спят, что ли? Но почему же глаза открыты?

Подошёл к ёлке, покосился на зелёную верхушку и ахнул: звезду забыли снять!

Ужели пропустить такой случай?... Вот как только её голой рукой взять? Помнит леший, как из забытого костра в лесу алый уголёк вытащил – поиграть, – волдырь (во какой!) на ладони вскочил.

Ничего, сорвёт, на пол бросит, а потом в тряпицу – вон в углу валяется – завернёт.

Вытянулся, вырос до потолка, протянул лапу... отдернул... опять протянул и хват за звезду.

Не жжётся! Совсем, совсем холодная, словно лист кувшинки. Не стал дальше ничего и рассматривать, зажал звезду в лапу, в другую горсть огарков с ёлки обобрал и сквозь форточку, в складную сажень вытянувшись, скорей на волю. У плетня коврижку-пряник на снегу поднял, видно, школьник обронил, – пригодится, – и бегом, на ходу приплясывая и весело подхрюкивая, побежал, старый дуралей, к лесу.

* * *

Пёс Мухомор отошёл от лесной сторожки. Что такое? Почему огонёк в лесу под старой елью засветился? И второй. И третий.

Надо проверить: лесник-хозяин на ёлку в школу ушёл, не вернулся, – у кума-кузнеца до утра застрял, – пёс за него хозяином в лесу остался.

Подкрался Мухомор к ёлке, за снежным бугром притаился... Высунул морду, глазам не верит...

Сидит леший под пушистой елью, свечки вдоль нижней ветки рядком золотыми глазами мигают, в одной руке у лешего звезда с ёлки, в другой пряник... Задрал лохматую голову и тоненьким голоском (все слова перепутал) напевает:

Борода! Борода!
Посконная Коляда!
Отпирай пирога,
Выноси ворота!
Отворяй лепёшки!
Подавай окошки!..

А потом пряник на снег положил, звезду над головой поднял и давай приплясывать вокруг ёлки, все хватки девочки Тани перенял...

Подполз пёс на брюхе поближе (леший его и не заметил, очень уж расплясался), обнюхал пряник и съел до крошки. Повернул назад к своей избушке, губы облизывает, вкусно! – и думает, – задал ему леший загадку:

«Как он свечки зажжёт без спичек-то? Откуда у него спички? И свечи откуда добыл и звезду... и пряник?»

Спички лешему ни к чему: у него и кремь и кусок железной подковы и трут – всё в лесу под камнем хранилось, – давно он у человека научился костры в лесу разводить. А откуда свечки, звезда и пряник – кто сказку эту прочёл, сам знает.

Сидит леший под пушистой елью, свечки вдоль нижней ветки рядком золотыми глазами мигают...

Дмитрий Мережковский Детям

Не под кровом золочёным
Величавого дворца,
Не для счастья и довольства,
Не для царского венца —
Ты в приюте позабытом
Вифлеемских пастухов
Родился – и наг, и беден, —
Царь бесчисленных миров.
Осторожно, как святыню,
В руки Мать его взяла,
Любовалась красотой
Безмятежного чела.
Ручки слабые Младенец
В грозно-сумрачный простор
С беспредельною любовью
С лона Матери простёр.
Всё, что борется, страдает,
Всё, что дышит и живёт,
Он зовёт в свои объятия,
К счастью вечному зовёт.
И природа востепенулась,
Услыхав Его призыв,
И помчался ураганом
Бурной радости порыв.
Синева ночного неба
Стала глубже и темней,
И бесчисленные звёзды
Засверкали ярче в ней;
Все цветы и все былинки
По долинам и лесам
Пробудились, воскурили
Благовонный фимиам.
Слаще музыка дубравы,
Что затронул ветерок,
И звучнее водопадом
Низвергается поток,
И роскошней покрывалом
Лёг серебряный туман,
Вечный гимн запел стройнее
Безграничный океан.
Ликовала вся природа,
Величава и светла,
И к ногам Христа-Младенца

Все дары свои несла.
Близ пещеры три высоких,
Гордых дерева росли
И, ветвями обнимаясь,
Вход заветный стерегли.
Ель зелёная, олива,
Пальма с пышною листвою —
Там стояли неразлучной
И могучею семьёй.
И они, как вся природа,
Все земные существа,
Принести свой дар хотели
В знак святого торжества.
Пальма молвила, склоняя
Долу с гордой высоты,
Словно царскую корону,
Изумрудные листы:
«Коль злобой гонимый
Жестоких врагов,
В безбрежной равнине
Зыбучих песков,
Ты, Господи, будешь
Приюта искать,
Бездомным скитальцем
В пустынях блуждать,
Тебе я открою
Зелёный шатёр,
Тебе я раскину
Цветочный ковёр.
Приди Ты на отдых
Под мирную сень:
Там сумрак отрадней,
Там свежая тень».

Каждый год она сияет
В день великий торжества...

Отягчённая плодами,
Гордой радости полна,
Преклонилась олива,
И промолвила она:
«Коль, Господи, будешь
Ты злыми людьми
Покинут без пищи —
Мой дар Ты прими.
Я ветви радушно
Тебе протяну
И плод золотистый
На землю стряхну.
Я буду лелеять
И влагой питать,
И соком янтарным
Его наливать».

Между тем в унынье тихом,
Боязлива и скромна,
Ель зелёная стояла;
Опечалилась она.
Тщетно думала, искала —
Ничего, чтоб принести
В дар Младенцу-Иисусу,
Не могла она найти;
Иглы острые, сухие,
Что отгалкивают взор,
Ей судьбой несправедливой
Предназначены в убор.
Стало грустно бедной ели;
Как у ивы над водой,
Ветви горестно поникли,
И прозрачную смолой
Слёзы капают обильно
От стыда и тайных мук,
Между тем как всё ликует,
Улыбается вокруг.
Эти слёзы увидала
С неба звёздочка одна,
Тихим шёпотом подругам
Что-то молвила она.
Вдруг посыпались – о чудо! —
Звёзды огненным дождём,
Ёлку тёмную покрыли,
Всю усеяли кругом,
И она затрепетала,
Ветви гордо подняла,
Миру в первый раз явилась,
Ослепительно светла.

С той поры, донине, дети,
Есть обычай у людей
Убирать роскошно ёлку
В звёзды яркие свечей.
Каждый год она сияет
В день великий торжества
И огнями возвещает
Светлый праздник Рождества.

Валерий Брюсов Дитя и безумец

Маленькая Катя спросила:

– Мама, что сегодня за праздник?

Мать отвечала:

– Сегодня родится Младенец Христос.

– Тот, Который за всех людей пролил кровь?

– Да, девочка.

– Где же Он родится?

– В Вифлееме. Евреи воображали, что Он придёт как царь, а Он родился в смиренной доле. Ты помнишь картинку: Младенец Христос лежит в яслях в вертепе, так как Святому Семейству не нашлось приюта в гостинице? И туда приходили поклоняться Младенцу волхвы и пастухи.

Маленькая Катя думала: «Если Христос пришёл спасти всех людей, почему же пришли поклониться Ему только волхвы и пастухи? Почему не идут поклониться Ему папа и мама, ведь Он пришёл и их спасти?» Но спросить обо всём этом Катя не смела, потому что мама была строгая и не любила, когда её долго расспрашивают, а отец и совсем не терпел, чтобы его отрывали от книг. Но Катя боялась, что Христос прогневаётся на папу и маму за то, что они не пришли поклониться Ему. Понемногу в её голове стал складываться план, как пойти в Вифлеем самой, поклониться Младенцу и просить прощения за папу и маму.

В восемь часов Катю послали спать. Мама раздела её сама, так как няня ещё не вернулась от всенощной. Катя спала одна в комнате. Отец её находил, что надо с детства приучать не бояться одиночества, темноты и прочих, как он говорил, глупостей. Катя твёрдо решила не засыпать, но, как всегда с ней бывало, это ей не удалось. Она много раз хотела не спать и подсмотреть, всё ли остаётся ночью, как днём, стоят ли дома на улицах, или они на ночь исчезают, – но всегда засыпала раньше взрослых. Так случилось и сегодня. Несмотря на всё её старание не спать, глаза слиплись сами собой, и она забылась.

Ночью, однако, она вдруг проснулась. Словно её разбудил кто-то. Было темно и тихо. Только из соседней комнаты слышалось сонное дыхание няни. Катя сразу вспомнила, что ей надо идти в Вифлеем. Желание спать прошло совершенно. Она неслышно поднялась и начала, торопясь, одеваться. Обыкновенно её одевала няня, и ей очень трудно было натянуть чулки и застегнуть пуговички сзади. Наконец, одевшись, она на цыпочках пробралась в переднюю. По счастью, её шубка висела так, что она могла достать её, встав на скамейку. Катя надела свою шубку из гагачьего пуху, гамашу, ботики и шапку с наушниками. Входная дверь была с английским замком, и Катя умела отпирать её без шума.

Катя вышла, проскользнула мимо спящего швейцара, отперла наружную дверь, так как ключ был в замке, и очутилась на улице.

Было морозно, но ясно. Свет фонарей искрился на чистом, чуть-чуть заледеневшем снеге. Шаги раздавались в тишине чётко.

На улице никого не было. Катя прошла её до угла и наудачу повернула направо. Она не знала, куда идти. Надо было спросить. Но первый встретившийся ей господин был так угрюм, так торопился, что она не посмела. Господин посмотрел на неё из своего поднятого мехового воротника и, не сказав ни слова, зашагал дальше.

Вторым встречным был пьяный мастеровой. Он что-то крикнул Кате, протянул к ней руки, но, когда она в страхе отбежала в сторону, тотчас забыл про неё и пошёл вперёд, затянув песню.

Наконец Катя почти наткнулась на высокого старика, с седой бородой, в белой папахе и в дохе. Старик, увидав девочку, остановился. Катя решила спросить его.

– Скажите, пожалуйста, как пройти в Вифлеем?

Скажите, пожалуйста, как пройти в Вифлеем?

– Да ведь мы в Вифлееме, – отвечал старик.

– Разве? А где же тот вертеп, где в яслях лежит Младенец Христос?

– Вот я иду туда, – отвечал старик.

– Ах, как хорошо, не будете ли добры проводить и меня? Я не знаю дороги, а мне очень нужно поклониться Младенцу Христу.

– Пойдём, я тебя проведу.

Говоря так, старик взял девочку за руку и повёл её быстро. Катя старалась поспевать за ним, но ей это было трудно.

– Когда мы торопимся, – решила она наконец сказать, – мама берёт извозчика.

– Видишь ли, девочка, – отвечал старик, – у меня нет денег. У меня всё отняли книжники и фарисеи. Но давай я понесу тебя.

Старик поднял Катю сильными руками и, держа её как пёрышко, зашагал дальше. Катя видела перед собой его включенную седую бороду.

– Кто же вы такой? – спросила она.

– А я – Симеон Богоприимец. Видишь ли, я был в числе семидесяти толковников. Мы переводили Библию. Но, дойдя до стиха «Се дева во чреве приемлет...», я усомнился. И за это должен жить, доколе же сказанное не исполнится. Доколе я не возьму Сына Девы на руки, мне нельзя умереть. А книжники и фарисеи стерегут меня зорко.

Катя не совсем понимала слова старика. Но ей было тепло, так как он запахнул её дохой. От зимнего воздуха у неё кружилась голова.

Они всё шли по каким-то пустынным улицам, ряды фонарей бесконечно уходили вперёд, суживаясь в точку, и Катя не то засыпала, не то только закрывала глаза.

Старик дошёл до деревянного домика в предместье и сказал Кате:

– Здесь живёт слуга Ирода, но он мой друг, и я войду.

В окнах был ещё свет. Старик постучался. Послышались шаги, скрип ключа, дверь открылась. Старик внёс Катю в тёмную переднюю. Перед ними в полном изумлении стоял молодой уже человек в синих очках.

– Семён, – сказал он, – это ты? Как ты попал сюда?

– Молчи. Я обманул книжников и фарисеев и темничных сторожей. Сегодня праздничная ночь, они менее бдительны. Вот я и убежал.

– А шуба у тебя чья?

– Я взял у смотрителя. Но это я возвращу. Я ещё вернусь. Пусть мучают, но мне надо было пойти, я должен увидеть Христа, иначе мне нельзя умереть.

– Но что же это за девочка? – воскликнул господин в очках, который лишь теперь рассмотрел Катю.

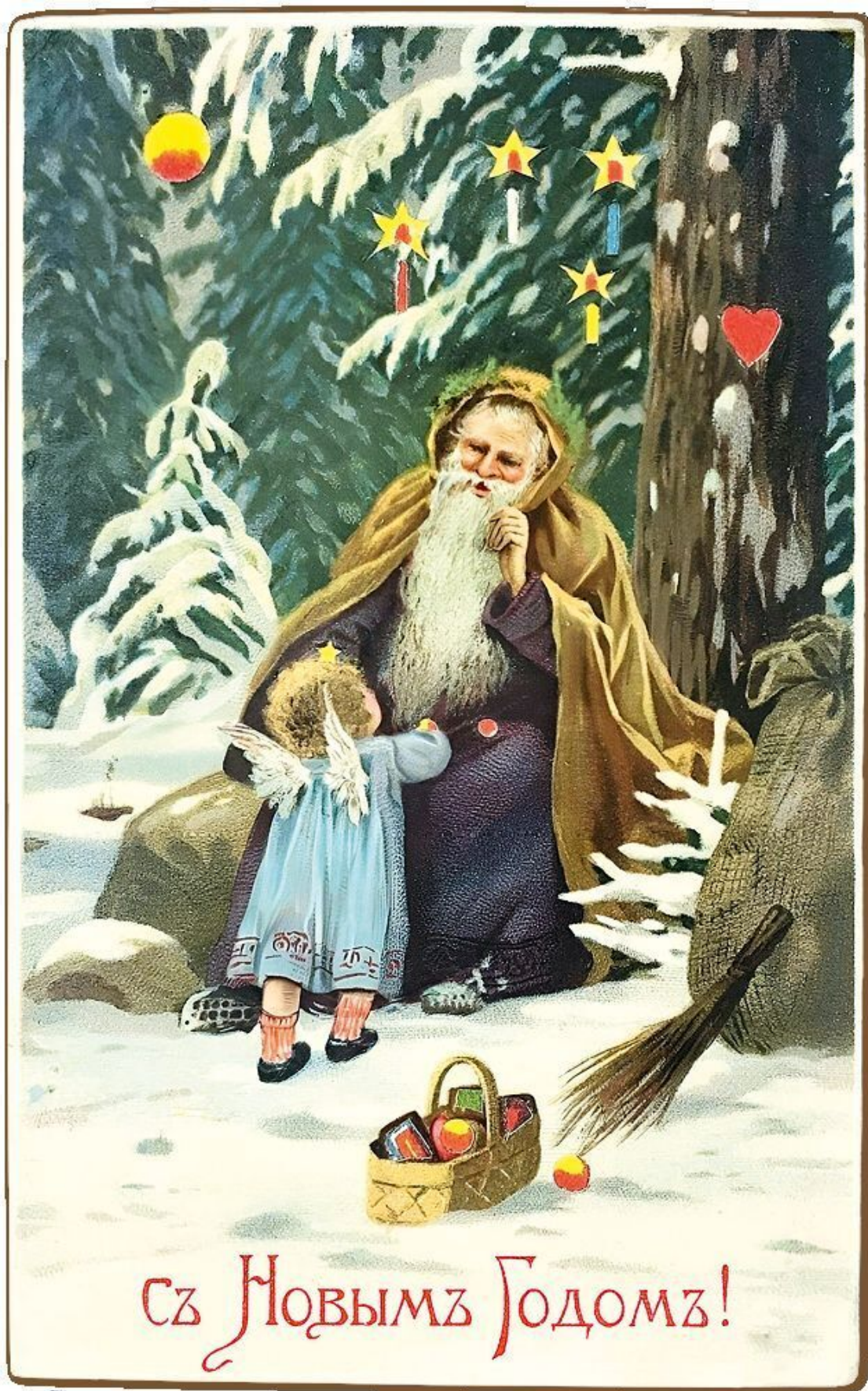
– Она тоже идёт в вертеп.

– Да, мне надо поклониться Младенцу Христу, – вставила Катя.

Господин в очках покачал головой. Он взял Катю от старика, отнёс её в соседнюю комнату и передал какой-то старушке. Катя ещё говорила, что ей надо идти, но она так устала и измёрзла, что не очень сопротивлялась, когда её раздели, натёрли вином и уложили в тёплую постель. Она уснула тотчас.

Старика тоже уложили.

На другой день через участок и родители отыскали Катю, и смотрители сумасшедшего дома – своего бежавшего пациента. Дитя и безумец – оба шли поклониться Христу. Благо тому, кто и сознательно жаждет того же.

Катя не совсем понимала слова старика. Но ей было тепло, так как он запахнул её дохой

Александр Блок Рождество

Звонким колокол ударом
Будит зимний воздух.
Мы работаем не даром,
Будет светел отдых.

Серебрится лёгкий иней
Около подъезда.
Серебристые на синей,
Ясной тверди звезды.

Как прозрачен, белоснежен
Блеск узорных окон!
Как пушист и мягко нежен
Золотой твой локон!

Как тонка ты в красной шубке,
С бантиком в косице!
Засмеёшься – вздрогнут губки,
Задрожат ресницы.

Веселишь ты всех прохожих —
Молодых и старых,

Некрасивых и пригожих,
Толстых и поджарых.

Подивятся, улыбнутся,
Поплетутся дале,
Будто вовсе, как смеются
Дети, не видали.

И пойдёшь ты дальше с мамой
Покупать игрушки
И рассматривать за рамой
Звёзды и хлопушки...

Сёстры будут куклам рады,
Братья просят пушек,
А тебе совсем не надо
Никаких игрушек.

Ты сама нарядишь ёлку
В звёзды золотые
И привяжешь к ветке колкой
Яблоки большие,

Ты на ёлку бусы кинешь,
Золотые нити.
Ветки крепкие раздвинешь,
Крикнешь: «Посмотрите!»

Крикнешь ты, поднимешь ветку
Тонкими руками...
А уж там смеётся дедка
С белыми усами!

Иван Шмелёв Круг царя Соломона

Уехали в театр, а меня не взяли: горлышко болит, да и совсем не интересно. Я поплакал, головой в подушку. Какое-то «Убийство Каверлея», – должно быть, очень интересно, страшно. Потом погрыз орешков – ералаш: американские, миндальные, грецкие, шпанские, калёные... Всегда на Святках ералаш, на счастье. Каждому три горсти, – какие попадутся. Запустишь руку, поерошишь, – американских бы побольше, грецких и миндальных! А горсть-то маленькая, нехватишь, и все торопят: «ты не выбирай!» Всегда уж: кто побольше – тому и счастье. В доме тихо, даже жутко слушать. В лампе огонёк привёрнут – Святки, а как будто будни. В зале ёлка, вяземские прянички совсем внизу и бусинки из леденцов... можно бы обсосать немножко, не заметят, – но там темно. Дни теперь такие... «Бродят они, как без причалу!» Горкин знает из священных книг. Тёмным коридором надо, и зеркала там, в зале...

Я всматриваюсь в коридор: что-то белеет... печка? Маятник стучит в передней, будто боится тоже: выходит словно – «что-то... что-то... что-то...». В кухню убежать? И в кухне тихо, куда-то провалились. Бисерный попугай глядит с подушки на диване, – будто не хохолок, а рожки?.. Дни такие, а все куда-то провалились. И лампу привернули, – будто и она боится. Солдатиков расставить? Что это... ручкой двери?.. Меня пронзает, как иголкой. Кто-то там ступает, храпит?.. Нет, это у меня в груди, от кашля. Чёрное окно не занавесили, смотрит оттуда кто-то, тёмное лицо... – мороз?

– Ня-ня-а!.. – кричу я, в страхе.

Гукает из залы. Ноги зудятся и хотят бежать. Но страшно: темно в передней, под лестницей чуланчик. В такие дни всегда бывает: возьмут – и... Горкину в мастерской недавно... плотник Мартын привиделся! «Им крещёный человек теперь... зарез!» Самая им теперь жара, некуда податься, Святки. К Горкину бы в мастерскую, в короли бы похлестаться...

Вдруг – тупп! Щёлкнуло как в зале?.. Конфетина упала с ёлки... сама? Балуют...

В тёмном коридоре, в глубине – как будто шорох. В углу у печки – кочерга, железная нога, вдруг грохнется? Ночью недавно так... Разводы на буфете, будто лица, смотрят. И кресло смотрит, выпирает пузом. И попугай, моргает. Всё начинает шевелиться. Боммм... Часы!.. шесть, семь, восемь. А все куда-то провалились. Кот это? Идёт по коридору, светится глазами. А вдруг не Васька?.. Если покрестить... Крещу, дрожа. Нет, настоящий.

Самая им теперь жара, некуда податься, Святки

– Вася-Вася... кис-кис-кис!..

Кот сел, зевает, поднял лапку флагом, вылизывает под брюшком, – к гостям. А все куда-то провалились. И нянька, дура...

Трещит на кухне дверь с морозу, кто-то говорит. Ну, слава богу. Входит нянька. На платке снежок.

– Куда ходила, провалилась?..

– Ряженных у скорняков глядела. Не боялся, а?

– Боялся. Все-то провалились...

– Не серчай уж. На' сахарного петушка.

Ряженных глядела, а я сиди. Это ничего, что кашель. И в театры не взяли. Маленький я, вот все и обижают. Горкин один жалеет.

– К Горкину сведи.

– Эна, он уж давно полёг. Ужинай-ка, да спать.

– Няня, – прошу я, – нынче Святки... сведи уж ужинать на кухню, к людям.

Не велено на кухню, но она ведёт.

На кухне весело. Бегают прусачки по печке, сидят у лампочки, – всё живая тварь! Приехал из театров кучер – ужинать послали. Говорит – «народу, прямо... не подъедешь к кеятрам! Мороз, лошадь не удержишь, костры палят. Маленько, может, поотпустит, снежком запырило». Пахнет морозом от Гаврилы и дымком, с костров. Будто и театром пахнет.

– Нонче будут долго представлять. Все кучера разъехались. К одиннадцати велели подавать.

Тут и старый кучер, Антипушка, – к обедне только теперь возит. Рассказывает, как на Святках тоже в цирки возил господ, старушку чуть не задавил, такая метель была-а... праздники, понятно. И вдруг – вот радость! – входит Горкин. Василь-Василичу Косому и ему – харчи особые. Но сегодня Святки, Василь-Василич в Зоологическом саду, публику с гор катает, вернётся поздно. Одному-то скучно, вот и пришёл на кухню, к людям.

Его усаживают в угол, под образа, где хлебный ящик. Он снимает казакинчик, и теперь – другой, не строгий: в ситцевой рубахе и жилетке, на шее платочек розовый. Он сухенький, с седой бородкой, как святые. «Самый справедливый человек», но только строгий. А со мной не строгий. При нём, когда едят, не смейся. Пальцем погрозится – и затихнут. Меня усаживают рядом с ним, на хлебный закромок, повыше. Рядом со мной Антипушка. Потом Матрёша, горничная, «пышка», розы на щеках. Дворник Гришка, «пустобрёх-охальник». Гаврила-кучер, нянька. Старая кухарка, с краю. Горкин не велит щипать Матрёшу, грозит: «беса-то не тещь за хлебцем!»

– Сама щипается, Михал Панкратыч... – жалуется Гришка. – Я как монах!

Матрёша его ложкой по лбу – не ври, брехала!

Хлеб режет Горкин, раздаёт ломти. Кладёт и мне: огромный, всё лицо закроешь.

– С хлебушка-то здоровее будешь, кушай. И зубки болеть не будут. У меня гляди, – какие! С хлебца да с капустки.

Я не хочу бульонца, а как все. Горкин даёт мне собственную ложку, кленовку, «от Троицы». У ней на спинке церковки с крестами, а где коковка – вырезана ручка, «трапезу благословляет», так священно. Вкусная, святая ложка. Щи со свиной – как огонь, а все хлебают. Черпают из красной чашки, несут ко рту на хлебе, чтобы не пролить, и – в рот, с огнём-то! Жуют неспешно, чавкают так сладко. Слышно, как глотают, круто.

– Носи, не удавай! – толкает Горкин. – Щи-то со свининкой, Рождество. Вкусно, а? Тот и есть. Хлебушком-то заминай, потуже.

Отрезывает новые ломти. Выхлебали всё, с подбавкой. Горкин стучит по чашке:

– Таскай свининку, по череду!

Славно, по порядку. И я таскаю. На красном деревянном блюде дымится груда красной солонины. Миска огурцов солёных, ёлочки на них, ледок. Жуют, похрустывают, сытно. Горкин и мне кладёт: «поешь, с жирком-то!» Я стараюсь чавкать, как и все. Огурчика бы?..

– В грудке у тебя хрипит, нельзя огурчика.

Жуют, молчат. Белая, крутая каша, с коровьим маслом. Съели. Гаврила просит подложить. Вываливают из горшка остатки.

– Здоров я на еду! – смеётся кучер. – Ещё бы чего съел... Матрёшу разве? Али щец осталось...

– Щец вылью, доедай... хорошая погода станет, – говорит кухарка.

– А, давай. Морозно ехать.

Горкин встаёт и молится. И все за ним. И я. Сидят по лавкам. Покурить – уходят в сени.

– Святки нонче, погадать бы, что ли? – говорит Матрёша. – Что-то больно жарко...

– С жиру жарко, – смеётся Гришка. – Ай, в короли схлестаться? Ладно, я те нагадаю:

Гадала, гадала,
С полатей упала,
На лавку попала,
С лавки под лавку,
Под лавкой Савка,
Матрёше сладко!

– Я б тебе нагадала, да забыла, как собака по Гришке выла!

– Будет вам грызться, – говорит строго Горкин. – А вот погадаю-ка я вам, с тем и зашёл. Поди-ка, Матрёш, в каморку ко мне... там у меня, у божницы, листок лежит. На́ ключик.

Матрёша жмётся, боится идти в пустую мастерскую: ещё чего привидится.

– А ты, дурашка, сернички́ возьми да покрестись. Мартын-то? Это он мне так, со сна привиделся, упокойник. Ничего, иди... – говорит Горкин, а сам поталкивает меня.

Матрёша идёт нехотя.

– Вот у меня Оракул есть, гадать-то... – говорит Гаврила, – конторщик показать принёс. Говорит – всё знает! Оракул...

Он лезет на полати и снимает пухлую трёпаную книжку с закрученными листочками. Все глядят. Сидит на крышке розовая дама в пушистом платье и с голыми руками, перед ней золотое зеркало на столе и две свечки, а в зеркале господин с закрученными усами и в синем фраке. Горкин откладывает странички, а на них нарисованы колёса, одни колёса. А как надо гадать – никто не знает. Написано между спицами – «Рыбы», «Рак», «Стрелец», «Весы»... Только мы двое с Горкиным грамотные, а как надо гадать – не сказано. Я читаю вслух по складам: «Любезная моя любит ли меня?», «Жениться ли мне на богатой да горбатой?», «Не страдает ли мой любезный от запоя?»... И ещё, очень много.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.